

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЛУНЫ

Если это прочтут, я умру.

Здесь любят казнить красиво, чтобы жертва подольше мучилась. Недавно я наблюдала, как преступника оставили связанным у воды. Прилив он пережил, но мне объяснили, что если приговоренный и дальше будет так же удачлив, то дней через пять-шесть погибнет от голода. Но, думается, океан заберет его раньше. А ведь бедняга всего лишь кого-то убил. Меня же, самозванку... Даже предполагать не хочу, что ждет. Я выдаю себя за наследника престола, поэтому отсечением головы точно не отделаюсь — сначала помучают.

Но только если это прочтут. Здесь пишут иероглифами в столбик, и читать надо справа налево, то есть все не как у нас, и русский язык для местных — шифр. Его, конечно, попытаются взломать, но вряд ли смогут. Куда им понять наш великий и могучий, с их-то рычащим и мяукающим. Бр-р,

до сих пор привыкнуть не могу, хотя говорю на нем каждый день.

Однако если какой-нибудь умелец все же разберется... Я понимаю, чем это грозит, но иначе не могу. Кажется, еще немного, и я сойду с ума. Мне очень одиноко, здесь нет никого, с кем я могла бы быть откровенна. И каждый день лгу.

Я не наследный принц. И даже не мужчина. Я не помню своего имени, не помню, сколько мне лет, но точно знаю: я — женщина и, прежде чем попасть сюда, жила в России. Моя память молчит только о моем прошлом. Как я здесь оказалась? Зачем? И где это — здесь?

Хотя в последнем я почти разобралась: это другой мир, который напоминает Древнюю Азию. Вроде бы Японию, но я не знаток и могу ошибаться. Во всяком случае, здесь есть империя, для пущей важности ее называют Великой. В ней правит император — тоже Великий, многая лета ему! А лучше б он сдох побыстрее, сил моих больше нет!

Император здесь с приветом, с этим даже местные согласны. Я сперва подумала, что он тоже, как я, то есть не от мира сего. Император же должен быть... ну... воплощением могущества и величия. А этот ворвался ко мне в покои в первый же день и заявил, что, если я еще раз попытаюсь покончить с собой, он будет убивать. Причем последнее слово даже выделил интонацией, как плохой актер: у-би-вать. Тогда кто-то обмолвился, что это было не самоубийство, а покушение. Правда, мне в тот момент было не до того. Я толь-

ко очнулась и успела осознать лишь две вещи: во-первых, мое тело — не мое, а во-вторых, оно мужское!

Пока я таращилась на себя в бронзовое зеркало, император вокруг все выхаживал и, как в детской считалочке, приговаривал: «Убью, зарежу, съем!» А потом вдруг посмотрел на меня внимательно и поинтересовался, что его любимый единственный сын помнит. Я честно ответила: ничего.

И что вы думаете? Принца тут же объявили потерявшим память. Логично же! А то, что он при этом уставился в зеркало и тело свое ощупывал, — так это мелочи.

Хотя это действительно мелочи, если сравнить с поведением императора. Почему, говорит, мой сын один, где слуги? Ему и отвечают, мол, вы же всех еще вчера казнили. А он: «А-а-а, ну новых найдем».

Когда император наконец ушел, я выяснила, что наследному принцу — единственной надежде этой самой Великой империи — двадцать пять лет. Чтоб вы понимали, он — а теперь и я — худой как щепка, женоподобный заморыш. Сначала я предположила, что, может, это от болезни, но время идет, а лучше ему — нам — не становится. Но хуже всего, что принца — ту самую надежду той самой империи, — несмотря на всю его наследность, здесь ни в грош не ставят.

И это еще не все открытия, которые мне предстояло совершить о Его Высочестве Рюичи, первом и единственном сыне императора Рю. Но

МАРИЯ САКРЫТИНА

в тот вечер я больше ничего не узнала, заснула еще до прихода лекаря, и будить меня не стали.

А потом...

Что было потом, я напишу завтра — сейчас я устала. Знаете, как тяжело писать русские буквы кисточкой? О, я вам еще расскажу! Уже смена стражи, и луна почти скрылась за крышами дворца — мне пора.

А ведь и впрямь немного легче стало. Завтра постараюсь продолжить.

К
Н
И
Г
А
І

СВИТОК ПЕРВЫЙ

Шестой день четвертой луны

Сегодня я расскажу о Шуи. Шуи был... Шуи был.

Красное солнце дрожало за пеленой облаков и тумана, рассвет только-только занимался. Траву вокруг квадратного бассейна сковал иней, хотя над водой висел пар. Неудивительно, ведь она была горячей, белой, как молоко, и пахла тухлыми яйцами. Этот запах проникал даже в крытую купальню, где меня омывали, потому что в бассейн можно было окунуться только чистым. То ли дело здесь в традиции, то ли в белой воде, которая считалась целебной.

Отражение в бронзовых зеркалах, висевших в купальне, казалось зыбким, но я внимательно к нему присматривалась. Мне следовало привыкнуть к этому худому мальчишке с лицом алеба-

стровой куклы, которым теперь была я. К его молочно-белой коже и длинным черным волосам. К жгучим глазам, тоже черным, и тонким, изящным чертам. Этим принц отличался от слуг: все они были смуглые и лица их не казались такими точеными. Наверное, Его Высочество даже считался по-своему красивым... Как красивой кажется хрупкая фарфоровая фигурка: страшно в руки взять, вдруг разобьется.

Вдобавок ко всему у принца оказалось слабое здоровье. В первый же день я очнулась с ужасной головной болью, такой, что хотелось тут же закрыть глаза и умереть. Потом я узнала, что принца мучила одышка, что странно — с таким-то худощавым телосложением. А еще время от времени давало знать о себе сердце, кололо в груди. В двадцать пять принц выглядел на пятнадцать, а чувствовал себя на пятьдесят. Маленький задохлик.

Целебная белая вода была очень горячеей, и организм принца выдерживал ее с трудом: когда я шагнула в бассейн, сердце так зашлось от жара, что я чуть не упала. К тому же у самого бортика под водой оказалась приступочка, которую не было видно из-за белой взвеси. Конечно, я сразу же об нее споткнулась, больно ударив ногу, и обязательно полетела бы носом в воду безо всякого королевского достоинства, если бы не старший слуга. Или как его правильно называть? Начальник над слугами? Император вчера назвал его как-то иначе, но я не запомнила.

Слугу звали Шуи. И все. Да, имена тут дай боже.

— Господин, молю вас быть осторожнее, — ледяным тоном попросил он, аккуратно придержав меня за локоть. — Прикажете позвать слуг, чтобы они помогли?

Я дернула плечами, высвобождаясь.

Шуи возненавидел меня сразу как увидел. Или ненавидел еще раньше, что более вероятно. Не знаю, что принц ему сделал, но, видимо, что-то страшное, потому что Шуи если и поднимал глаза, смотрел так, словно мечтал порубить меня в фарш.

«Зачем человек, испытывающий такие жгучие чувства к принцу, решил стать его слугой?» — подумала я и попыталась понять, что входит в его обязанности. Чем он может мне навредить? Пока я видела только, как Шуи распоряжался другими слугами и отдавал приказы таким беспрекословным тоном, что, будь я на месте его подчиненных, тоже бы со всех ног бросилась исполнять. Это наводило на мысль, что Шуи привык, чтобы ему подчинялись. Значит ли это, что сам он не слуга? Может, даже аристократ? Раз есть принц и император, должны быть и аристократы, верно?

Но я ни о чем не спрашивала — обстановка не располагала. Да и не у кого было спрашивать: никто, кроме Шуи, даже не поднимал на меня взгляд.

Мне оставалось только молча терпеть.

Распорядок дня принца удивителен. Похоже, Его Высочество был жаворонком и вставал в несусветную рань. На небе еще ярко сияли звезды, а меня уже будили.